

Возведение в ранг императрицы главным образом могло свидетельствовать о том, что Юн Шань презирает и ненавидит Гун Ухуэя.

Но кто бы мог подумать, что наследный принц ограничился общими замечаниями, а каждое его слово соответствовало здравому смыслу, ещё страшнее было то, что в этом деле был замешан сам император. Неожиданно Юн Шэн застыл, не зная, как следует всё это оспаривать.

Если говорить о возведении в ранг императрицы Огненным императором Янь-ди, то мог бы секретарь императора препятствовать переменам?

Разве это не являлось бы пощёчиной самому императору?

— Придворный евнух отца-императора У Цай спрашивал тебя о возведении наложницы Шу в ранг императрицы, так что я сегодня расспрашивать об этом не стану. — Юн Шэн ненадолго оцепенел, но когда он успокоился, его словно озарило: — Однако ты тайно отправился в императорскую тюрьму, где вёл секретный разговор с Гун Ухуэем, это неопровержимые доказательства. Юн Шань, ты не признаёшь себя виновным?

— Я уже всё сказал, — размеренно ответил юноша. — Я действительно ездил в императорскую тюрьму, чтобы побеседовать с Гун Ухуэем, это было сделано неосмотрительно. Если хочешь спросить меня об этом небрежном проступке, то я признаю его. Однако я не убивал Гун Ухуэя, и яда я ему тоже не давал. Если хочешь спросить меня об этом, то я не смогу тебе ответить.

Юн Шэн пронзительно усмехнулся:

— Старший брат сказал хорошо и легко. У Цай доложил, что у тебя на руках было письмо, написанное Гун Ухуэем, но потом ты сказал, что его нет. На словах — одно, а на деле — другое. Это что за дела? Если не был уверен, то зачем так поступать?

Юн Шань молчал.

Видя, что он ничего не говорит, Юн Шэн внезапно обрадовался и с холодным выражением проговорил:

— В конце концов, что за дела? Ты прибегаешь к обману, или же у тебя действительно есть письмо, но ты не можешь его найти? Если не нашёл, то куда это письмо запропастилось? Его украли? Ты только скажи, если вещественное доказательство было украдено, мы несомненно тщательно всё расследуем.

Однако Юн Шань по-прежнему молчал.

Внешне не проявляя ни капли эмоций, что заставляло других теряться в догадках.

Юн Шэн вновь задал вопрос и, не получив ответа, больше не мог терпеть:

— Юн Шань, это судебное следствие, а не разговоры о незначительных мелочах, которые ты ведёшь в своём дворце наследного принца. Если ты откажешься отвечать, то я прибегну к пыткам!

Хлоп!

Молоток несколько раз стукнул по столу.

Юн Линь покрылся потом, стоя в стороне, и при каждом движении внезапно слева и справа от него четыре-пять отвечающих за его охрану стражников давили на плечи, скручивали руки, не позволяя пошевелиться.

Что касается письма, Юн Ци на его собственных глазах признался, что тайно выкрал и сжёг его.

Только он знал, что Юн Шань несправедливо обижен.

Подвергшись давлению со стороны стражи, Юн Линь не мог сопротивляться, но он всё ещё имел возможность говорить, и, раскрыв рот, юноша выкрикнул:

— Старший брат, тебе не нужно молчать! Скажи хоть слово, а! Ты понимаешь, что тогда...

Юн Шань в один миг бросил на него взгляд ужасный, хмурый и холодный, заставляя младшего брата задрожать, оцепенеть от ужаса и упрямо проглотить те слова, что были готовы сорваться с его губ.

Юноша заставил Юн Линя закрыть рот, и его взгляд изменился с холодного на спокойный. Затем Юн Шань медленно перевёл взгляд на пол себе под ноги.

Юн Шэн с плохими намерениями задал вопрос про письмо, вполне понятно, чтобы вынудить его также затащить в этот омут и Юн Ци, иначе его могли обвинить в притворстве и ложных слухах о письме.

Двух юношей можно было привести в тупик, где они могли погибнуть. Сейчас в этот ключевой момент, невзирая на всё то, что скажет наследный принц, Юн Шэн, отвечающий за допрос, к тому же имеющий полномочия обратиться с отчётом к Огненному императору Янь-ди, мог добавить масло и уксус [1], ухудшая дело.

Длинный язык до добра не доведёт, лучше уж хранить молчание.

Сохраняя спокойствие в душе, Юн Шань не проронил ни слова.

Юн Шэну, однако, было по душе, что наследник престола не желал сотрудничать. Юноша с холодной усмешкой сказал:

— Юн Шань, ты преднамеренно отказываешься отвечать? Не нужно обвинять меня в том, что я не предупредил тебя. Сейчас я, получив высочайший указ, веду следствие и имею право подвергнуть тебя пыткам.

Взгляд Юн Шаня, несмотря на запугивания, продолжал оставаться неизменным, губы по-прежнему были сомкнуты, а сам юноша стоял неподвижно, словно отлитый из чугуна.

— Хорошо! — сказал Юн Шэн, ехидно улыбаясь, и, взяв в руки молоток, резко заорал: — Идите же сюда! Свяжите наследного принца.

И вновь собирался ударить по столу.

Внезапно сбоку кто-то медленно вышел:

— Ваше Высочество, пожалуйста, подождите.

Кто бы мог подумать, что это опять будет тот самый наглый Сюань Хунинь.

Юн Шэн внезапно был осаждён мелким чиновником Министерства наказаний, который получил приказ быть заседателем. Молоток завис в воздухе и не ударил. Лицо юноши до крайности исказилось и, стиснув зубы, он с холодной усмешкой произнёс:

— Почему? Сановник Сюань, Юн Линя мне нельзя допрашивать, однако я получил указ допросить Юн Шаня. Неужели мне и его нельзя трогать?

— Ваше Высочество получил указ вести следствие, и, конечно, может поступать согласно своему желанию. Хотите, допрашивайте под пыткой, если Ваше Высочество твёрдо решил, подчинённый не осмелится вмешиваться. — Сюань Хунинь, словно не замечая, как Юн Шэн злится, с деревянным выражением лица всё так же холодно, твёрдо и упрямо проговорил, отчеканивая каждое слово: — Однако подчинённый получил высочайший указ быть заседателем и тоже имеет полное право задавать вопросы. Есть кое-что, о чём подчинённый хотел бы спросить Его Высочество Юн Шаня. Прошу Ваше Высочество милостиво разрешить мне это сделать.

Он также получил высочайший указ, к тому же Огненный император Янь-ди назначил его заседателем, даже Юн Шэн неспособен был мешать его допросу.

Юноша только и мог, что злобно выпустить молоток из рук:

— Хорошо, спрашивайте.

Сначала Сюань Хунинь, соблюдая этикет, поблагодарил Юн Шэна, и только потом обернулся и, внимательно посмотрев на стоящего внизу наследного принца, медленно проговорил:

— Ваше Высочество Юн Шань, согласно переданным словам У Цая, Вы сказали, что отправились в императорскую тюрьму, чтобы встретиться с Гун Ухуэем в надежде на то, что тот исправит ошибки и заживёт по-новому, а позднее не будет поступать опрометчиво?

— Верно.

— Только ради этого? Были ли другие причины? — последовательно проговорил Сюань Хунинь. — Вы являетесь наследным принцем, император болен, и он хотел, чтобы Вы занимались докладными, да и во дворце достаточно много дел. И будучи связанным служебными обязанностями, у Вас однажды появилось свободное время? И только ради того, чтобы наставить неизвестного императорского секретаря и вести с ним задушевные разговоры, Вы смогли, не жалея, отбросить важные дела и лично отправиться в императорскую тюрьму? Я не верю. Впервые. В этом деле, должно быть, есть какая-то тайна. Ваше Высочество, если есть какие-то напраслины, смело говорите только правду, а я вместо Вашего Высочества предоставлю доклад самому императору.

Сидящий сзади за столом Юн Шэн мгновенно задрожал всем телом, а кожа на лице слегка полопалась.

Юн Шань отправился в императорскую тюрьму, чтобы встретиться с Гун Ухуэем, конечно же, сделав одолжение Юн Шэну.

Это дело должно было быть крайне секретным, а сам шантаж наследника престола был без посторонних лиц. Так неужели об этом стало известно?

Этот Сюань Хунинь чиновник пятого ранга, откуда он взялся? Неожиданно открыв рот, сразу же обратил внимание на крайне трепетное ключевое звено, а своей манерой речи он, к удивлению, смутно принял сторону Юн Шаня, чтобы тот также затащил в воду главного следователя [2]?

Подумав о последствиях, Юн Шэн не осмелился вздохнуть. Он посмотрел вниз, и как раз в этот момент Юн Шань поднял на него глаза, их взгляды встретились в воздухе, источая искры. Юноши тотчас же отвели взоры в сторону.

Наследный принц, никогда не знавший Сюань Хуниня, с одной стороны, был изумлён, а с другой — внезапно стал настораживаться.

Этому пятому младшему брату он никогда не нравился.

В удобный момент можно было легко втянуть Юн Шэна в воду, однако если так поступить, то неизбежно можно было обнажить преступление, связанное с письмами Юн Ци и Юн Линя, и тем самым поставить всех в невыгодное положение.

Вне зависимости от общей картины, ради своих личных интересов выловить всех братьев за один заброс сети [3] — это не считалось хорошим делом.

От этой мысли в голове мелькнули слова старого учителя.

Какой отец в мире даст имя сыну, не обдумав?

Разве в его имени, что дал ему Отец-император, нет слова «хороший»?

Неужели уклончивые истории учителя неожиданно намекали на это место?

Почему Сюань Хунинь, министр пятого ранга, присланный отцом-императором, внезапно спросил об этом?

В душе Юн Шаня разрастались морские валы, однако лицо юноши продолжало оставаться хладнокровным. Немного задумавшись, он блекло проговорил:

— Я, наследный принц, должен уделять внимание делам Поднебесной. А несёт ли государство ответственность за мнение секретаря императора? Неважно, знакомы мы или нет, для того чтобы вести задушевные разговоры, необходимо лишь обладать небольшим умением.

— Не было иного повода?

— Нет.

Осмелишься со мной соперничать?

Когда стану наследным принцем, желаю, чтобы ты, смотря на меня, хотел жить, но не выжил, хотел умереть — также не смог [4].

Юн Шэн вновь всё обдумал. Юн Шаню, у которого лишь напускная смелость, находившемуся всю ночь в заключении во Дворце Наказаний, почти наверняка небо с овчинку показалось, и юноша не смел болтать всё, что угодно.

Как раз ухватившись за этот удобный случай, нужно было вытащить хоть немного показаний.

— Сановник Сюань, Вы уже закончили спрашивать? — холодно проговорил Юн Шэн. — После Ваших вопросов настала моя очередь, как главного следователя.

Сюань Хунинь был всего лишь заседателем, а Юн Шань скорее предпочёл бы смерть, чем отказался от своих слов, упорно твердив, что приезжал в императорскую тюрьму без чьего-либо подстрекательства. Мужчина только и мог, что отступить, позволяя Юн Шэну вновь взять ситуацию полностью в свои руки.

Юн Шэн сразу же вернулся к первоначальной теме разговора:

— Юн Шань, как, в конце концов, ты объяснишь дело с письмом?

Этот с большим трудом найденный изъян юноша совершенно не мог так легко отпустить.

Наследный принц слегка поджал губы и ничего не ответил.

— Хорошо-о! — Юн Шэн уже довольно давно сдерживал возмущение и только сейчас, когда Сюань Хунинь, который перебил его мысли, наконец ушёл, юноша стал ещё более решительным, взял молоток и, несколько раз стукнув, прокричал: — Эй, кто-нибудь! Опустить Юн Шаня и наказать его пятьюдесятью ударами палкой! А я погляжу, в конце концов, ответишь ты мне или нет!

С двух сторон слуги, громко отозвавшись и засучив рукава, окружили наследника престола.

Юн Линь вновь испугался и снова разгневался, прорычав:

— Юн Шэн! Если ты осмелишься тронуть хоть один волосок на голове моего старшего брата, я съем тебя живьём!

Опустив голову, юноша, словно буйвол, внезапно ударил стоящего сбоку охранника, отшвыривая того на пол.

Толпа громко закричала, несколько человек рванули вперёд и получили от Юн Линя пару-тройку ударов ногами. Враз воцарилась неразбериха, охрана с большим трудом схватила принца и вновь крепко зажала его.

Юн Линь по-прежнему кричал:

— Ты скотина с волчьим сердцем и собачьими лёгкими [5]! Не забывай, как раньше ты лебезил перед моим старшим братом, а сейчас низкий человек достиг своих целей, изменил отношение и начал нос воротить! Отец-император высокого мнения о таком низменном человеке, как ты? Я не верю! Я спрошу у отца-императора, пусть отец-император... У-у... у-у...

Юноша не успел договорить, как дрожащий от гнева Юн Шэн приказал охране принести тряпки и, недолго думая, заткнул ему рот.

Справившись с одним из братьев, Юн Шэн обернулся и посмотрел в другую сторону. Из-за Юн Линя всё внезапно пришло в движение, хаос охватил Дворец Наказаний, внимание всех слуг, что изначально должны были подвергнуть наследного принца наказанию, было привлечено Юн Линем, и, окружая Юн Шаня, они смотрели лишь на третьего принца.

Юн Шэн, впав в ярость, ругался:

— Негодяи! Не слышали, что я сказал? Опустить Юн Шаня! Наказать палками!

Множество людей начали действовать: они приподняли рукава, собираясь скрутить наследному принцу руки, поставить его на колени и высечь.

Юн Шань сказал:

— Подождите.

У него с детства был этот пронзительный холод; несколько охранников, которые были подобны волкам и тиграм, подверглись его неострому взгляду и приятному голосу, который хоть и звучал тихо, однако был подобен крупнице леяного жемчуга, что упал с неба и ударил по яшмовому блюду, не в силах были игнорировать.

Толпа остолбенела, даже руки опустила и, обернувшись, посмотрела, не подаст ли пятый принц какой-нибудь знак.

— Э? — Юн Шэн, добившись цели, с улыбкой спросил: — Наследный принц худо-бедно, но всё же согласился открыть рот?

— Юн Шэн, я всё же наследный принц.

На что юноша покашлял и холодно усмехнулся:

— Мне было интересно, почему ты всё ещё такой самодовольный? Оказывается, полагаешься на это. К сожалению, Ваше Высочество наследный принц, Ваши радужные надежды никогда не исполнятся! Наследный принц? Я действую по воле отца-императора, и тебе лучше повиниться. Сейчас я являюсь главным следователем, а ты — преступником, и хочу, чтобы ты преклонил колени, когда нужно их преклонить, хочу, чтобы ты сознался, когда нужно сознаться!

— Наследный принц является государственным наследником престола, а правитель со своими

подчинёнными — это совершенно другое. Я преклоню колени, а ты осмелишься стерпеть? — спросил Юн Шань. — Я знаю, что ты действуешь по воле отца-императора. Хорошо, допрашивай меня, однако позорить не смей. Ты хочешь наказать меня палками? Можешь. Только прежде всего на пол постели ярко-жёлтый тюфяк, твёрдую палку тоже необходимо обмотать в ярко-жёлтый тонкий узорчатый шёлк. Как только я благоговейно преклоню колени, вы не осмелитесь препятствовать моему главному обряду и обязательно встанете под ступенями в стороне.

Юноша уверенно и легко улыбнулся:

— Этот закон совершенно ясно прописан в дворцовых правилах, и если не поступить, как требуется, то это будет считаться сокрытием правды от императора. Пятый младший брат, я от чистого сердца напоминаю тебе, чтобы ты не совершил проступок и не лишился благосклонности отца-императора.

Юн Шэн окаменел от того, что сказал наследный принц. В этих словах сложно было найти ошибку, так как действительно были установлены такие дворцовые правила. Лицо юноши внезапно покраснело, он отвернулся, сдерживая злость:

— Ты... Ты... Хорошо!

С трудом вдыхая плотный воздух, двое сразу встали:

— Мы не осмелимся ставить Вас на колени, всё зависит от того, сможете ли Вы стерпеть тяжкое наказание!

В сопровождении чиновников толпа без промедления встала под лестницей.

— Эй, кто-нибудь, принесите ярко-жёлтый тюфяк и обверните палку в ярко-жёлтый тонкий узорчатый шёлк!

Всё было сделано согласно правилам.

Юн Шань, не дожидаясь, пока посторонние потянут к нему руки, гордо взмахнул рукавом:

— Незачем.

Дойдя до середины, юноша решительно преклонил колени на ярко-жёлтом тюфяке, медленно лёг ничком, руки опустил с двух сторон от головы и, крепко ухватившись за край тюфяка, приглушённым тоном проговорил:

— Начинайте.

Двое рослых мужчин, что были ответственными за экзекуцию во Дворце Наказаний, завернули палки в ярко-жёлтый тонкий узорчатый шёлк, подошли и встали по обеим сторонам друг напротив друга.

Юн Шэн гаркнул:

— Бейте! Давайте, бейте!

Двое рослых мужчин отозвались и, высоко подняв палки, безжалостно опустили их.

Это были не обычные деревянные палки, а отлитые из холодного чугуна. Они были крайне тяжёлыми, к тому же отвечающие за наказание были старыми мастерами своего дела. Под ударами Юн Шань, стиснув зубы, издавал лёгкий скрежет, а на лбу внезапно выступил холодный пот.

Как только замирал один прут, второй бил по телу.

Резкая боль от ударов распространялась по всему телу, а внутренности словно переворачивались.

Другой слуга Дворца Наказаний громким голосом считал:

— Девятнадцать! Двадцать! Двадцать один...

От последовавших двадцати палок, которые четверть часа непрерывно опускались на тело, лицо Юн Шаня побледнело, а потом посинело, десять пальцев, что крепко вцепились в край тюфяка, побелели.

— У-у-у-у! — В глазах Юн Линя полыхал огонь, сам юноша беспомощно был прижат пятью-шестью рослыми мужчинами, его рот также был заткнут, что даже выругаться он не мог.

Юн Линь наблюдал, как Юн Шаня наказывают палками, и из больших глаз, что были похожи на серебряные колокольчики, при каждом взмахе ресниц с сожалением текли слёзы.

— Прут, завернутый в ярко-жёлтый тонкий узорчатый шёлк, неплох на вкус? — Вынужденный скрываться под лестницей, Юн Шэн, в чьей душе полыхали дурные намерения, смотрел на избиение, холодно усмехаясь. — Эта железная палка повредит мышцы и переломает кости, а это не шутки. Если наследный принц хочет выжить, то всё же должен скорее сознаться. Куда делось письмо? Это имеет какое-то отношение к Юн Ци? Вы с Юн Ци в близких отношениях? В деле Гун Ухуэя кто является подстрекателем, а кто — сообщником?

Юн Шань от боли покрылся холодным потом, однако крайне твёрдо держался своих

предубеждений, стиснув зубы, он терпел, даже стоны не издал.

Услышав в стороне вопрос Юн Шэна, юноша повернул голову и поднял взгляд. В нём не было интереса, а сам взгляд больше напоминал внезапно выпущенную стрелу, которая попала в запретное место Юн Шэна, неожиданно вызывая в нём ярость. Топнув ногой, юноша гаркнул:

— Бейте! Сильнее бейте! Бейте до смерти!

Во Дворце Наказаний были свои правила, к тому же юноша всё же являлся наследным принцем. Кто посмеет бить его до смерти?

По-прежнему размеренно палки опускались на спину юноши.

Юн Шань от боли скрежетал зубами, а по изящному лицу время от времени проходила судорога.

Несмотря на удары палок, он продолжал хранить молчание.

— Сорок семь! Сорок восемь! Сорок девять...

Наказания в пятьдесят палок вот-вот заканчивалось, а Юн Шань всё же несколько не сознавался, его глаза были слегка закрыты, а губы, которые сейчас были фиолетового цвета, были плотно сжаты.

Юн Шэн не ожидал, что этот уже свергнутый наследный принц, который был перед смертью, окажется таким крепким. Действительно неожиданно, а он, этот главный следователь, повёлся на его лаконичные слова и вынужден был сойти с высокой платформы, да к тому же использовал наказание. И если не добился ответа, то считается, что он потерял своё лицо?

Если отец-император узнает, что он так возвысился, и кроме того без конца третировал Юн Шаня, что он может подумать тогда?

Так или иначе, он уже испортил отношения; сейчас, когда нужно было ковать железо, пока горячо, если он не сможет заставить Юн Шаня сознаться, лучше уж воспользоваться случаем и убить его, чтобы не возникло грядущих бедствий...

Чем больше Юн Шэн думал, тем яснее ему становилось. Вместе с дурными мыслями он внезапно рассвирепел и, открыв рот, начал ругаться:

— Никчёмные дряни! Вы что, ничего не ели? Если даже сил нет, чтобы размахивать палками, тогда я сам всё сделаю!

Засучив рукава, он отнял прут, высоко поднял его и безжалостно ударил Юн Шаня по спине.

Примечания:

[1] Обр.: приукрашивать факты, искажать действительность, преувеличивать.

[2] «Затащить в воду» — обр.: под влиянием других людей или угроз поддаться соблазну, совершить промах.

[3] Обр.: арестовать всех сразу.

[4] Обр.: находиться в очень мучительном положении.

[5] Обр.: жестокий, свирепый, бесчеловечный.

<http://bllate.org/book/13372/1189612>